

«Молитесь Богу. Она вам поможет».

Альва Вандербильт

Пролог

Светская хроника
1876 г.

Нас называют «прекрасный пол». В равной степени лестное и раздражающее определение. Утонченные, хрупкие, слабые создания. Да будет вам! Если на мужчине туго затянуть корсет, ужав его талию на четыре дюйма, он при первом же вздохе упадет в обморок. Что уж говорить про муки деторождения? *Прекрасный пол, изящные турнюры.*

Мы — жены и дочери богатых людей, хотя состояния наших семейств имеют недавнее происхождение. Еще одно-два поколения назад наши матери и бабушки стряпали на дровяных кухонных плитах, штопали носки, вязали шерстяные одеяла. Наши отцы и деды в большинстве своем трудились в поте лица, занимаясь законным ремеслом, — хотя кто-то, *возможно*, не брезговал использовать в своих интересах обстоятельства, сложившиеся после войны между Севером и Югом. Так сказать, «наживались на войне», как говорят многие. А, по нашему мнению, просто «пользовались моментом».

Мы — нувориши. Новые богатеи. В противовес традиционной нью-йоркской финансовой аристократии. Извеч-

ные враги никербокеров* — несносных снобов, вызывающих всеобщую зависть.

Соперничая со старой гвардией, мы, как и они, свои календари подстраиваем под два светских сезона: зимний и ньюпортский. Зимний сезон проходит на Манхэттене и длится всего лишь три месяца. На светских мероприятиях, которые начинаются в ноябре, те из нас, кто впервые выходит в свет, предстают во всей своей красе в надежде подцепить мужей. Джентльменам, которые ищут жен, все равно, сколь бегло мы изъясняемся на пяти иностранных языках или вообще таковых не знаем. В принципе, некоторых больше устраивает последнее. Им не важно, что мы учились во Франции, музицируем на арфе и фортепиано, прекрасно танцуем. Для этих соискателей главное, чтобы за потенциальной невестой приданое дали посolidнее и она могла похвастать лебединой шеей и огромными выразительными глазами — обычно этот эффект достигается с помощью капель из сока ягод белладонны. Слава богу, к началу первого вальса слезоотделение и жжение в глазах проходит и к нам *обычно* возвращается нормальное зрение.

Те из нас, кто уже замужем, спокойны и даже, пожалуй, немного кичатся собой. Пусть мы не сидим за письменными столами из красного дерева и не занимаем высокие посты в крупных корпорациях, но мы все равно зарабатываем валюту — валюту другого типа. Светскую валюту. Это — наше

* Никербокер (Knickerbocker) — прозвище потомков первых голландских переселенцев Нью-Йорка, в более широком смысле уроженцев или жителей этого города. Связано с именем Дитриха Никербокера, вымышленного автора «Истории Нью-Йорка от сотворения мира до конца голландской династии», написанной амер. писателем Вашингтоном Ирвингом (1783–1859) и впервые опубликованной в 1809 г.

золото. Платежное средство — за более значимые приглашения, за более высокий статус, за более широкое влияние.

Богатство налагает определенные обязательства, и нужно привыкнуть их исполнять, о чем тебя никто не предупреждает, когда ты впервые становишься состоятельной. День богатой дамы протекает в своеобразном ритме, подчинен установленному распорядку, в котором нет места спонтанности и отклонениям. Мы усваиваем, что всё делается по предписанным правилам — и под «всё» подразумевается *любое* действие, *любой* шаг: как одеваться, как сидеть, как и что есть, как приветствовать джентльмена на улице и т.д. Это — цена, которую мы платим за то, чтобы сохранить свое влияние.

Скажите: тоска? Ничего подобного. Наша жизнь наполнена всяческими удобствами, какие только душа желает. Ливрейные лакеи, гардеробные, забитые новинками французской моды. Благодаря камеристкам в наших шифоньерах каждая вещь на своем месте: шляпки лежат страусиными перьями и эгретками наружу; утренние туалеты отделены от дневных и тех, что мы надеваем на чаепитие. В стенных шкафах из кедра — складные саквояжи с бальными платьями, оберегающие от порчи ткани и изящную отделку из бус; сами наряды переложены папиросной бумагой и духами-саше, точно так, как они были упакованы при доставке из Парижа, откуда они прибыли без единой мятой складочки.

Конечно, ни один предмет одежды и даже ни одна пара лайковых перчаток не принадлежит непосредственно нам. Все это — собственность наших мужей. Равно как и мы сами. С их милостивого позволения мы предаемся удовольствиям. И еще как предаемся! Мы бросаемся в бой. Пируем на банкетах из девяти блюд, танцуем до рассвета, продолжая кружиться и по возвращении домой. А, может, это просто комната кружится перед глазами от того, что мы перепили шам-

панского. В наших светских календарях каждый день расписан по минутам. Днем мы посещаем обеды, чаепития и сольные концерты; вечерами — приемы, званые ужины и балы. И, конечно, вечер понедельника — неизменно самый особенный.

В понедельник вечером мы идем в оперу. Мы надеваем наши лучшие туалеты и драгоценности. Нас сопровождают мужья, отцы или поклонники, а также суровые пожилые компаньонки, зорко следящие за тем, чтобы, не дай бог, мы с кем-нибудь не соприкоснулись руками или не допустили еще какую непристойность.

По снегу, присыпанному угольной пылью и сажей, мы пробираемся к конным экипажам, которые доставят нас в Музыкальную академию*. Туда мы прибываем ровно через десять минут, после того как в половине девятого открываются двери зала. Оркестр уже исполняет увертюру, но это не имеет значения. В оперу мы ходим не музыку слушать. Боже упаси. Многие из нас оперу вообще не любят. Однако мы исправно посещаем Музыкальную академию, потому что так принято в обществе. Наше присутствие там — это часть игры. А мы намерены принимать в ней участие. И победить. В конечном итоге.

Наши места — в партере, где сидят все, кому средства позволяют приобрести билет. На первый взгляд, пурпурно-золотой зал — само воплощение роскоши. И лишь по более пристальному рассмотрении мы замечаем истертость ковров, трещины в штукатурке и облупливающуюся краску. Театр вмещает 4000 тысячи зрителей, и, будьте уверены, к концу второго акта, когда появляется самый почетный гость Акаде-

* Музыкальная академия (the Academy of Music) — оперный театр в Нью-Йорке на Манхэттене. Зал на 4000 мест был открыт в 1854 г. и тогда стал одним из крупнейших концертных залов в мире. В 1926 г. здание театра было снесено.

мии, вы не увидите ни одного свободного кресла. Под оркестровое крещендо она входит в обитую бархатом ложу на балконе, расположенном высоко над нами, и мы все разом оборачиваемся к ней с задранными головами, словно цветы, тянущиеся к солнцу.

И нашим взорам предстает она — Каролина Уэбстер Шермерхорн Астор. Миссис Астор.

Пока наши предки ждали благоприятного случая в Европе, ее прародители — первые голландские переселенцы, прибывшие в Нью-Йорк, — уже ходили по этим самым улицам. А значит, миссис Астор из никербокеров, представляет элиту американского высшего общества.

Мы всегда с нетерпением ждем антракта, тяжело ведь подолгу сидеть в креслах: старые пружины врезаются в мягкое место. И пока аристократия выстраивается в очередь у ложи миссис Астор, чтобы засвидетельствовать свое почтение правящей королеве, мы толпимся в фойе — разминаем ноги, общаясь между собой. Рабы привычки, мы будем беседовать о том же, о чем говорили в прошлый понедельник, и в позапрошлый. Пенелопа Истон заметит, что, если бы исполняли Вагнера, сейчас еще шел бы второй акт, а Мэйми Фиш сообщит, что ее любимый музыкальный инструмент — расческа. Сюрпризов ждать не приходится.

Однако сегодня вечером после того, как в третьем акте Фауст соблазнил Маргариту, мы все в унисон вскидываем лорнеты. В партере, через проход, шурша платьем из золотой парчи с отделкой из серебристого тюля, появляется Альва Смит. Ой, простите. Альва *Вандербильт*. Новоявленную миссис Вандербильт сопровождает супруг — красавец-мужчина. Ее голову с ярко-рыжими волосами венчает тиара, шею обвивает жемчужное ожерелье, которое, по слухам, некогда принадлежало самой Екатерине Великой. Кор-

саж переливается бриллиантами, в ушах сверкают бриллиантовые серьги, руки поверх тонких перчаток украшают с полдюжину браслетов. Если бы возможно было нарядиться в оперу слишком пышно, это был бы тот самый случай.

Для многих спектакль — более интересное зрелище, и большинство глаз снова обращаются на сцену, но те из нас, кто все еще наблюдает за Альвой Вандербильт, становятся свидетелями — на несколько секунд — ее вопиющего поступка. Она обращает взор на балкон, где восседает миссис Астор, и, глядя прямо на гранд-даму, улыбается. Внезапно гремят цимбалы и литавры, и нас на мгновение охватывает страх, что это миссис Астор выплескивает свой гнев. Но потом вступают флейты, скрипки и другие инструменты, вновь привлекая наше внимание к сцене, и мы, успокоенные, готовимся слушать последний акт.

И лишь гораздо позже, когда луна, выскользнув из-за облаков, насылает предрассветные тени в окна наших спален, выходящие на Пятую авеню, мы сознаем, что произошел некий неуловимый сдвиг. Предвестник перемен. Просто нам пока неизвестно, *что* это могут быть за перемены.

СВЕТСКИЕ СЕЗОНЫ

1876-1878 гг.

Глава 1

Каролина
Ньюпорт

Каролина обдумывала полученное известие, хотя, в общем-то, все было предельно ясно. Уже ныла голова. Боль начиналась за левым глазом и, крепчая, распространялась к груди. Точнее, к сердцу. Она снова взглянула на строчки, написанные рукой Августы: *твоего мужа видели с...* Вероятно, ее золовка считала, что поступает по-христиански. В сущности, для Каролины это не должно было стать сюрпризом. Да она и не удивилась. Муж Каролины делал, что хотел и с кем хотел, а она молчала, мирилась, терпела. А что еще ей оставалось? Каролина разорвала письмо на две части, потом на четыре, потом на восемь, и продолжала его рвать и рвать, пока не превратила неверность Уильяма в конфетти.

Выбросив клочки изодранной бумаги, она прошла из спальни на террасу, с которой открывался вид на скалы и Атлантику. Ее обволакивало тепло, поднимавшееся от нагретого солнцем мрамора. Пальцами касаясь балюстрады, она стояла и смотрела на океан. К берегу неслись огромные волны. Они разбивались о скалы, и шлейф морской пены, в который они превращались, снова поглощал прибой. Начинался при-

лив. Волны бежали быстрее, набирая мощь, и Каролина чувствовала, как в ней тоже зреет душевный подъем. Еще не так давно она была раздавлена изменами Уильяма, мучилась от жалости к себе, по нескольку дней не вставала с постели. Однако вот она, по-прежнему на ногах, не сломлена. Да, голова болит, сердце колет, но она не теряет присутствия духа. Это она уже проходила. Никуда он от нее не денется.

Мудрость — единственное преимущество надвигающейся старости, компенсация за мелкие морщинки вокруг глаз и губ. Подобно волне, что растет, достигает предельной высоты и обрушивается, Каролина Астор в свои сорок шесть лет находилась на пике зрелости. Все минувшие годы она не щадила себя и теперь наконец пребывала на гребне успеха. Долго ли ей удастся сохранять свое могущество? Трудно сказать. Она не хотела думать ни об этом, ни о том, что ее ждет, когда жизненные силы иссякнут и она утратит свою значимость. А это было неизбежно. Рано или поздно так случилось со всеми. Казалось бы, старшее поколение должно почитать, перенимать у него знания и опыт, а стариков вместо этого задвигали в угол, где они доживали свой век, позабытые и невидимые для тех, кому пришлось время занять их место. Но пока, разумеется, Каролина находилась на вершине славы. Она давно избавилась от неверия в собственные силы, не стыдилась своего положения. Жалела только о том, что нельзя остановить время, навсегда закрепить за собой статус непререкаемого авторитета.

Да, Уильям слыл волокитой, и, если Августе было известно о его последнем увлечении, значит, об этом уже судачил весь свет. К чему, к чему, но к сплетням Каролина питала самое стойкое отвращение. Она представила, как матроны, прогуливаясь по Бельвю-авеню, говорят: *Не будь она аристократкой, он никогда бы на ней не женился.*